

Царские врата из с. Воскресенское — ростовский иконописный примитив XVI в.

В. Г. Пуцко

Село Воскресенское Угодичской вол. Ростовского у. возникло в средневековый период, принадлежало ростовским князьям, а во второй половине XVI в. пожаловано царем Иваном Грозным Борисоглебскому монастырю¹. Из церкви Воскресения этого села, построенной в 1854 г., в Ростовский музей в 1892 г. были переданы происходившие из более раннего местного храма царские врата, с сильно поврежденной живописью под потемневшей олифой, как предмет древности² (ил. 1). В таком виде они оставались в течение почти столетнего периода, и лишь в 1990 г. реставрированы Ю. М. Барановым, после чего воспроизведены в издании, посвященном иконам Ростова Великого³ (ил. 2). В комментариях к иллюстрации после общих сведений о царских вратах как принадлежности иконостаса православного храма сказано следующее: «Стиль ростовских врат отличается архаизмом. Композиция «Благовещения» кажется перегруженной: крупные статичные фигуры персонажей и архитектурные формы почти не оставляют свободного пространства фона. Такие же художественные особенности характерны для нижней части врат. Колорит, в котором наряду с темными охрами, красно-коричневыми, коричневыми и зелеными красками особое место принадлежит синему и голубому цветам, типичен для ростовской иконописи XVI века. Несмотря на архаичность и провинциальность стиля, врата не могли быть созданы ранее первой половины XVI столетия». Соответственно они отнесены к первой половине — середине XVI в., с оговоркой, что изображение святителя Иоанна Златоуста находится под поздней записью.

Приведенными сведениями и характеристикой можно было бы вполне ограничиться, если бы за этим провинциальным произведением не стояло примечательное художественное явление. Оно проливает свет на круг источников, питавших ростовскую иконопись XVI в., конкретно — то ее направление, которое рассчитано на демократическую среду и не служит непосредственным отражением элитарных образцов.

Рассматриваемые царские врата невелики по размерам: по высоте они достигают 123 см, ширина створок соответственно составляет 33 и 34,5 см. Это

¹ *Титов А. А.* Ростовский уезд Ярославской губернии. М., 1885. С. 69–70.

² Краткий путеводитель по Ростовскому Музею церковных древностей. М., 1911. С. 19.

³ *Вахрина В. И.* Иконы Ростова Великого. М., 2003. С. 168. Кат. 52 (текст В. И. Вахриной и Е. В. Гладышевой). Ил. на с. 169. (То же во 2-м изд. М., 2006. С. 182. Кат. 53, с поправкой: «лик святителя Иоанна Златоуста утрачен и заменен поздней вставкой»).

служит косвенным подтверждением их первоначальной связи со скромным иконостасом небольшого сельского храма. Хотя, надо заметить, подобная практика в греческой среде являлась распространенной. Царские двери, украшенные иконами, существовали со времени появления алтарной преграды, причем чаще всего изображали на них Благовещение⁴. Известны также византийские царские врата с изображениями евангелистов, апостолов, пророков. В русской церковной традиции основной стала композиционная схема с Благовещением и четырьмя евангелистами. Но наиболее ранние из сохранившихся царских врат, датируемые второй половиной XIII в. и происходящие из Успенской церкви погоста Кривое на Северной Двине, украшают изображения Благовещения и святителей Василия Великого и Иоанна Златоуста, представленных в фронтальной позе⁵.

Это позволяет видеть в них реплику святительского чина в росписях алтарной апсиды и предполагать ее появление задолго до выполнения данных врат, поскольку во второй половине XII в. вместо фронтальных фигур в иконографическую программу апсидальной живописи включается композиция Божественной литургии с изображением процессии святителей с развернутыми свитками в руках, в трехчетвертном повороте к середине апсиды⁶. Сокращенным вариантом указанной композиционной схемы можно считать сербскую шитую завесу царских врат монахини Евфимии, датированную 1399 г., в монастыре Хиландарь на Афоне⁷ (ил. 3). В центре полотнища, размером 144 x 118 см, представлен Христос как Великий Архиерей, в саккосе с омофором, благословляющий предстоящих Василия Великого и Иоанна Златоуста, в руках у которых – раскрытые свитки с текстами литургических молитв: у первого – «Владыко Отче щедрот», а у второго – «Никтоже достоин». Оба святители облачены в фелони-полиставрии. В таком же порядке, но в обычных фелонях они представлены на царских вратах из Покровского Нектариева монастыря близ Твери, датируемых концом XIV – началом XV в.⁸ Тексты на свитках иные. Надо заметить, что во всех упомянутых случаях фигура Василия Великого

⁴ Grabar A. Deux notes sur l'histoire de l'Iconostas d'après des monuments de Yougoslavie // Сборник радова Византолошког института. Београд, 1961. Књ. 7. Р. 13–17. Fig. 1–4,

⁵ Пуцко В. Царские врата из Кривецкого погоста. К истории алтарной преграды на Руси // Сборник за ликовне уметности. Нови Сад, 1975. Књ. 11. С. 51–78; Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Т. 1: Древнерусское искусство X – начала XV века. М., 1995. С. 73–74. Кат. 17.

⁶ Бабић Г. Христолошке распре у XII веку и појава нових сцена у апсидалном декору византијских цркава. Архијереји служе пред Хетимасијом и архјереји служе пред Агнцом // Сборник за ликовне уметности. Нови Сад, 1966. Књ. 2. С. 9–31; Пуцко В. Царские врата из Кривецкого погоста. С. 55–58.

⁷ Кондаков Н. П. Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902. С. 244–246. Табл. XXXIX; Миркович Л. Искусство церковного шитья // Убрус. СПб., 2003. Вып. 1. С. 29–32. Ил. 1.

⁸ Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Т. 1. С. 132–133. Кат. 57; Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А. Живопись Великого Новгорода. XV век. М., 1982. С. 336–338. Кат. 74.

занимает правую створку, а Иоанна Златоуста — левую, тогда как позже размещение изображений иное.

Более развитая, характерная новгородская иконография отличает изображения святителей конца XV — начала XVI в., примером чего служат датированные этим временем царские врата из Никольской церкви в с. Гостинополье на р. Волхов, между Новгородом и Старой Ладогой⁹ (ил. 4). Василий Великий — в фелони-полиставрии, Иоанн Златоуст — в красно-коричневом крестчатом саккосе, оба — слегка повернутые друг к другу, со склоненными головами, держащие в руках развернутые свитки. Тексты «О изрядней Пресвятей» и «Господи Боже наш. Его же держава» аналогичны встречаемым на одной из Софийских таблеток, датированных концом XV в. Подобные по типу и иконографии царские врата, датированные началом либо первой половиной XVI в., происходят из собрания И. С. Остроухова (Государственная Третьяковская галерея в Москве)¹⁰, из Кирилловского у. Новгородской губ.¹¹, из собрания Псковского музея¹². При некоторой вариативности изображений и различии индивидуальных манер, они генетически явно восходят к общему образцу, предопределившему стилистические особенности прежде всего новгородских памятников. Последующая эпоха, вызвавшая миграцию мастеров и их произведений, способствовала распространению данной иконографии и в пределах иных русских земель.

Известно о том, что древнейшие царские врата на Руси не имели никаких резных украшений, и лишь со временем между верхним и нижним рядами изображений, откуда начинается округление верхней части двери, появляются резные спиралевидные завитки, как на происходящих из с. Олюшенского Вельского у. Вологодской губ.¹³ Есть они и на вратах из с. Воскресенское. Эта деталь стойко сохраняется в оформлении русских царских врат до второй половины XVI в., когда их завершение приобретает более причудливые формы¹⁴. Описываемые врата в сущности с арочным завершением, форма которого усложнена за счет уже упомянутых резных завитков. Параллельно существовали царские врата с Благовещением и святителями имеющие килевидное завершение¹⁵. Иконографическая схема Благовещения, представленного в верхней части Воскресенских царских врат, обычная для русской иконописи XVI в., но воспроизведенная с упрощениями, столь обычными для провинциальных мастеров. Вариативность в данном случае столь заметна, что мало напоминает

⁹ Луцко В. Царские врата из Кривецкого погоста. С. 62–63. Рис. 4.

¹⁰ Иконы Великого Новгорода XI — начала XVI века. 2008. С. 449–450. Кат. 93 (текст В. Д. Сарабьянова).

¹¹ Васильева О. А. Иконы Пскова. М., 2006. С. 114. Кат. 31.

¹² Соболев Н. Н. Русская народная резьба по дереву. М.; Л., 1934. С. 194–195. Рис. 100.

¹³ Антонова В. И. Древнерусское искусство в собрании Павла Корина М., 1966. С. 82. Ил. 79. Кат. 61; Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. М., 1968. Ил. на с. 171.

¹⁴ Древняя живопись Карелии. Каталог. Фонды музея «Кижы». Петрозаводск, 1980. Ил. перед с. 41.

¹⁵ Вахрина В. И. Иконы Ростова Великого. Ил. на с. 112–113. Кат. 28.

элитарный образец, каким можно считать царские врата начала XVI в. из часовни в д. Поникарово¹⁶. По статичности фигур она ближе клеймам датированных 1562 г. царских врат собора Богоявленского Авраамиева монастыря в Ростове, позже находившихся в церкви Иоанна Богослова на Ишне¹⁷. Интерпретация у различных иконописцев оказывается очень разнообразной, о чем дают наглядное представление только одни псковские произведения той эпохи¹⁸. Поэтому говорить о конкретной локальной традиции не приходится, и можно лишь заметить, что общий характер трактовки сближает с иконами 1540-х гг.

По-видимому, неспособность иконописца воспроизвести адекватно образец приводит его к диспропорции в изображении фигур святителей, положение которых ближе к фронтальному, чем к трехчетвертному, большеголовых и узкоплечих, с короткими руками и заметно уменьшенными кистями рук. Фелонь-полиставрий Василия Великого и саккос Иоанна Златоуста известны в их иконографии уже по иконам последней четверти XIV в. иконостаса Благовещенского собора Московского Кремля¹⁹. Но, как уже было замечено, в живописи царских врат новгородской художественной традиции прослеживаются с рубежа XV–XVI вв., когда она заметно испытывает московское воздействие. Свитки в руках здесь в наклонном положении, в отличие от близкого к горизонтальному, отличающего более поздние из уже упомянутых примеров. Не свидетельствует ли все это о следовании иконописца раннему образцу, по крайней мере отделенному от выполнения рассматриваемых царских врат двумя-тремя десятилетиями? Моделировка лика Василия Великого, думается, не противоречит этому. Лик Иоанна Златоуста служит результатом чинки врат, возможно на рубеже XVII–XVIII вв. Еще надо отметить «жемчужную обнизь» киноварной окантовки нимбов, отдающую глубокой архаикой, казалось бы давно забытой. Подобные бисерные нимбы были обычным явлением в VI–IX вв., на латинском Западе удержались до XII–XIII вв., и уже как исключение известны в болгарской книжной миниатюре XIII в.²⁰ Известен этот прием и по византийским иконам, выполненным для крестоносцев²¹.

На свитке Иоанна Златоуста текст ««Примите и ядите...», на свитке у Василия Великого – «Пийте от нея вси...». Начертания букв явно скопированы с более раннего оригинала. Это соответствует текстам и их распределению на тверских вратах рубежа XIV–XV вв., а сопроводительная надпись у изображения Василия Великого имеет форму: СТЫЙ ВАСИЛЬ КИСАРІСКІЙ, тоже почти

¹⁶ Там же. Ил. на с. 176–177. Кат. 53.

¹⁷ Васильева О. А. Иконы Пскова. Кат. 31, 41, 52, 63, 93.

¹⁸ Щенникова Л. А. Иконы в Благовещенском соборе Московского Кремля. Деисусный и праздничный ряды иконостаса: каталог. М., 2004. С. 158–165. Кат. 8, 9.

¹⁹ Грабар А. «До-история» болгарской живописи (Археологическая гипотеза) // Сборник в честь на В. Н. Златарски. София, 1925. С. 561.

²⁰ Weitzmann K. Icon Painting in the Crusader Kingdom // *Dumbarton Oaks Papers*. Vol. 20. Washington, 1966. Fig. 9, 12, 18, 19.

²¹ Куликова О. В. Древние лики Русского Севера. Из музейного собрания икон XIV–XIX веков города Череповца. М., 2009. С. 16, 224–225. Кат. 18–21.

идентичную читаемой на отмеченном раннем памятнике. На вратах XVI в. тексты иные, иногда совпадающие. Все это как будто вполне определенно указывает, что отмеченные архаизмы описываемых царских врат не являются мнимыми.

Теперь надо сказать о стиле живописи рассматриваемого произведения, который можно характеризовать как реминисценцию новгородской художественной традиции в ее провинциальном варианте. В качестве принципиальной параллели могут быть указаны иконы деисусного чина, выполненного около 1517 г. для соборной церкви Святой Живоначальной Троицы Филиппо-Ирапской пустыни в местности Красный Бор Вологодской обл.²² К тому же художественному кругу принадлежит и деисусный чин первой половины XVI в. из ростовской церкви Николая во Ржищах, представляющий то же самое провинциальное направление, с яркой и упрощенной цветовой гаммой²³. Столь же яркий пример указанного течения с явными признаками примитива отражает происходящая из того же самого храма икона Николая Чудотворца с житием²⁴. Речь может идти о явлении в русском иконописании, связанном в определенной мере с Ростовом, в подтверждение чего говорит также икона Николая Чудотворца с деисусом и избранными святыми, происходящая из церкви Богоматери Одигитрии²⁵. Иконописный примитив существовал параллельно с элитарной иконописью, украшавшей более богатые храмы. С учетом изложенных наблюдений царские врата из церкви Воскресения с. Воскресенского могут быть с наибольшей вероятностью отнесены ко второй четверти XVI в. Очевидно, в Ростовском регионе существовали и другие, подобные по иконографии и стилю произведения. Не исключено, что одним из них являются царские врата, размером 148 x 65 см, приобретенные в 1902 г. у В. В. Лопакова, с овальной формы верхней частью, с изображениями Благовещения и святителей, выполненными в жесткой манере и сумрачной гамме²⁶ (ил. 5). Живопись — более высокого качественного уровня. Тексты на свитках те же, что и на вратах из с. Воскресенского, но распределенные иначе. Типологически подобные царские врата, размером 146 x 61,3 см, первой половины XVI в., происходят из церкви Иоанна Златоуста Каргопольского у. (ил. 6). Благодаря им тезис о новгородском ориентире живописи, определяемой как ростовский иконописный примитив получает дополнительную точку опоры. Дальнейшее изучение материала позволит более уверенно расставить необходимые акценты.

²² Вахрина В. И. Иконы Ростова Великого. С. 148–155. Кат. 42–47 (текст В. И. Вахриной и Е. В. Гладышевой).

²³ Там же. С. 144–147. Кат. 41.

²⁴ Там же. С. 118–119. Кат. 30.

²⁵ Пуцко В. Царские врата из Кривецкого погоста. С. 63. Рис. 5: Живопись Ростова Великого: каталог. М., 1973. Ил. 1–3.

²⁶ Иконы Вологды XIV–XVI веков. М., 2007. С. 348–349. Кат. 52 (текст Е. М. Саенковой).

Ил. 1. Царские врата. Из церкви Воскресения с. Воскресенского. Архивное фото

Ил. 2. Царские врата. Вторая четверть XVI в. Из церкви Воскресения с. Воскресенского. ГМЗРК

Ил. 3. Шитая завеса царских врат. 1399 г» Афон, монастырь Хиландарь

Ил. 4. Царские врата. Конец XV – начало XVI в. Из Никольской церкви с. Гостинополье. Санкт-Петербург, ГРМ

Ил. 5. Царские врата. Около середины XVI в. ГМЗРК. Архивное фото

Ил. 6. Царские врата. Первая половина XVI в. Из церкви Иоанна Златоуста с. Саунино Каргопольского уезда. Вологда, Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник